

В.Ф. Панова о психологическом взрослении в дошкольном детстве

V.F. Panova on psychological growing up in preschool childhood

УДК 373.2

Получено: 16.08.2022

Одобрено: 02.09.2022

Опубликовано: 25.10.2022

Урунтаева Г.А.

Д-р психол. наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, г. Москва

Uruntaeva G.A.

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Moscow

Аннотация

В статье рассматриваются представления В.Ф. Пановой (1905-1973), известной советской писательницы, знатока детской психологии, о взрослении или психическом развитии в дошкольном детстве в условиях познания ребенком окружающего мира и взаимодействия с ним. Решающее влияние на эмоциональные переживания, размышления и поведение мальчика оказывает совокупность трех составляющих этого мира: природа, животные, маленький городок и улица проживания, предметы; группа ребят; а главным образом близкие взрослые с их моральными нормами и правилами. Взросление обуславливает не сама по себе цепь жизненных событий. Его ведущими факторами выступают, с одной стороны, умственная и практическая деятельность дошкольника, направленная на понимание, вхождение, установление связей с каждой из составляющих мира и, с другой, общение со взрослым, стоящим на гуманистической, личностно-ориентированной, гендерной позиции в отличие от авторитарной, формально-педагогической. В процессе взросления у ребенка формируются такие важнейшие психологические приобретения: во-первых, произвольность поведения и деятельности, познавательных и эмоциональных процессов; во-вторых, интеллектуальная деятельность в сфере размышлений о трех составляющих окружающего мира, осознания своего места во взаимоотношениях с каждой из них, но, прежде всего, с близкими в соответствии с главной нравственной нормой – справедливостью. Переход к новой ступени психического развития связан с завершением лучезарного детства и встречей ребенка с трагическими тайнами человеческого бытия – разлука, печаль и др.

Ключевые слова: взросление; личностно-ориентированное и авторитарное воспитание; наглядно-образное мышление, общение с природой, товарищами, взрослыми; произвольность поведения и деятельности.

Abstract

The article examines the ideas of V.F. Panova (1905-1973), a famous Soviet writer, an expert in child psychology, about growing up or mental development in preschool childhood in the conditions of a child's knowledge of the surrounding world and interaction with it. The combination of three components of this world has a decisive influence on the emotional experiences, reflections and behavior of a boy: nature,

animals, a small town and a street of residence, objects; a group of children; and mainly close adults with their moral norms and rules. Growing up does not determine the chain of life events by itself. Its leading factors are, on the one hand, the intellectual and practical activity of a preschooler aimed at understanding, entering, establishing connections with each of the components of the world, and, on the other, communication with an adult who stands on a humanistic, personality-oriented, gender position in contrast to the authoritarian, formal pedagogical one. In the process of growing up, such important psychological acquisitions are formed in a child: firstly, the arbitrariness of behavior and activity, cognitive and emotional processes; secondly, intellectual activity in the sphere of thinking about the three components of the surrounding world, awareness of one's place in relationships with each of them, but above all with loved ones in accordance with the main moral norm – justice. The transition to a new stage of mental development is associated with the completion of a radiant childhood and the child's encounter with the tragic mysteries of human existence – separation, sadness, etc.

Keywords: growing up; personality-oriented and authoritarian upbringing; visual-imaginative thinking, communication with nature, friends, adults; arbitrariness of behavior and activity.

Введение. В своих произведениях Вера Федоровна Панова (1905-1973), известная советская писательница, знаток детской психологии, нередко описывала детей. Повесть «Сережа» с подзаголовком «Несколько историй из жизни очень маленького мальчика» (1955) Панова посвятила ребенку-дошкольнику, герою второго плана из повести «Ясный берег» (1949), сосредоточиваясь на событиях жизни одного персонажа. Повесть «Сережа», по мнению А.А. Нинова, «написана в лучших традициях большой русской литературы, обращавшейся к детям, к анализу детской психологии и детского сознания» [5, с.167]. К. Чуковский считал ее одним из лучших произведений советских писателей, где центральный герой – маленький ребенок. Опираясь на свой почти полувековой опыт пристальных наблюдений за детьми и постоянное общение с ними, Чуковский утверждал, что «детская психология изображается в этой повести правдиво и верно, с непревзойденной точностью. Пятилетние, шестилетние дети думают, чувствуют, играют, ненавидят и любят именно так, как изображает Панова. ...Автор чрезвычайно наглядно показывает, как велика та страстная пытливость, с которой каждый нормальный ребенок стремится к немедленному решению всевозможных вопросов, ежечасно встающих перед его неутомимым умом, – в том числе вопросов о рождении, жизни и смерти» [13, с. 516]. Стремясь изобразить внутренний мир маленького человека, Панова использовала своеобразную манеру повествования, приблизив интонацию рассказа о Сереже в третьем лице к формам речи и мышления пятилетнего ребенка. Позицию Пановой в произведениях о детях, указала З.Б. Богуславская, определили такие этические нормы: «уважение к детской самостоятельности, к трудностям первых шагов в жизни, вера в способность ребенка понять взрослого и в связи с этим долг взрослых перед детьми, чувство ответственности, которое они, воспитывая в детях, должны сами разделять» [1, с. 107-108].

В повести «Ясный берег» Сережа в отличие от взрослых – мамы, Марьяны, тети Паши и Павла Лукьяныча, которые вырастили оставшуюся сиротой Марьяну, жил другой, своей жизнью – в безоблачном, лучезарном, золотом детстве, где для него не имели смысла слова: смерть, разлука, печаль. А герой повести «Сережа» начал задумываться о мире и постигать смысл этих понятий, столкнувшись с серьезными жизненными потрясениями. Панова в этом произведении всесторонне анализировала, указывали исследователи, проблему закономерностей психического развития, воспитания человека, истоки зарождения, роста,

формирования характера, индивидуальности, нравственного мира личности в зависимости от окружающих обстоятельств, воздействующих на малыша [1, 5, 9, 11, 13].

Традиционно исследователи рассматривали взросление Сережи, прежде всего, в условиях общения с близкими взрослыми – Марьяной и Коростелевым, противопоставляя принципы формального и личностно-ориентированного воспитания. Они лишь указывали на своеобразие познания мальчиком окружающей природы и места проживания, на важность взаимодействия с товарищами, не определяя их как факторы психического развития [1, 5, 9, 11]. Заметим, что Панова описывала взросление Сережи на протяжении года жизни, примерно от пяти до шести лет, в трех близко окружающих его мирах: 1) маленького городка и улицы проживания, предметов, живой природы, времен года; 2) товарищей – соседей по улице; 3) близких взрослых. Включенность в сезонные изменения в природе, взаимодействие с животными и растениями, действия с предметами, общение с ребятами, а главным образом со взрослыми оказали решающее влияние на эмоциональные переживания, размышления и поведение Сережи. Последовательность событий из нескольких историй его жизни, данная Пановой в едином, имеющем внутреннее развитие сюжете повести, по мнению исследователей, указывала на ключевые точки взросления мальчика [1, 5, 9, 11], строилась, «как ступени восхождения к настоящей жизни, как этапы проникновения в подлинную суть бытия, как звенья духовного роста и возмужания» [9, с. 122]. Рассмотрим представления Пановой о специфике, условиях, важнейших психологических приобретениях взросления дошкольника.

Познание мира предметов и природы. Сережу окружал бесконечно увлекательный, пленительный, радостный мир природы, животных, растений, предметов, места проживания. Характер видения мира определяло непосредственное восприятие Сережи, как ведущее в его познании. Подчиняясь ему, мальчик видел предметы такими, какими они даны в этом восприятии, а не в своих внутренних отношениях, т.е. он рассматривал мир со своей точки зрения, не видел себя со стороны, не отделял себя от вещей. Эту особую внутреннюю позицию Ж. Пиаже назвал эгоцентрической [8]. Сережин мир существенно ограничивался размерами его роста. Когда мама везла его в саночках, закутанного, похожего на большой мягкий узел, на новогодний утренник в школе, он видел только ее шагающие быстро и однообразно валенки. Он удивился непонятному происшествию: исчезновению куда-то маминых валенок, и появлению шагающих перед саночками чьих-то чужих, огромных, а над ними – военной шинели и серой армейской шапки. В наклонившемся военном Сережа узнал маминого знакомого, Коростелева. Когда же на его плече Сережа возвращался из гостей, его занимало увлекательное зрелище: «С высоты было видно, что делается во дворах за заборами и даже на крышах, прекрасно видно!» [6, с. 204]. Сережа и его товарищи, не соглашаясь со взрослыми, считали свой город не маленьким, а большим, так как в нем есть магазины, водокачки, памятник, кинотеатр, а по улицам ездят машины. Да и улица их проживания просто так называлась Дальней. На самом деле от нее всюду близко – и до площади, и до совхоза Ясный берег, как говорил Васька, старший приятель Сережи. Сережа и Шурик, его друг и почти ровесник, поклялись, что не скажут о тайной подготовке к татуировке мальчишек с улицы Калинина ни одному человеку во всем мире, имея ввиду улицу Дальнюю. Никто из ребят не усомнился, что короткий непроезжий переулок-тупик позади Васькиного сада назывался Васькиным проулком, именем первого человека в этих местах, тем более, что там было уютно играть вдалеке от взрослых. Сережа был уверен, что главнее совхоза «Ясный берег» ничего нет, ведь там работает Лукьяныч, там мамина школа, где бывает Сережа по праздникам на утренниках, там магазин, куда тетя Паша ходит

за селедками и мануфактурой. Что совхоз «Ясный берег» ужасно большой, Сережа понял, наглядно ощутив его размеры, когда однажды с Коростелевым долго-долго ездил по его директорским делам. Мальчик наблюдал серые ленты бесконечных дорог с грузовиками и тракторами, громадные просторы осенних лугов, черно-бархатной пахоты, где затерялись три фермы с многочисленными свиньями, овцами, коровами, курами, гусями.

Размеры предметов и людей Сережа воспринимал такими: «Почти все вещи очень большие, двери ужасно высокие, люди (кроме детей) почти такой же высоты, как двери. Не говоря уже о грузовике или комбайне, или о паровозе, который как загудит, так ничего не слышно, кроме его гудка» [6, с. 190]. Но по отношению к Сереже они были не так уж и опасны: «люди к Сереже доброжелательны, наклоняются, если ему нужно, и никогда не наступают на него своими громадными ногами. Грузовик и комбайн тоже безвредны, если не перебегают им дорогу. Паровозы – далеко, на станции, куда Сережа два раза ездил с Тимохиным», шофером полуторки [6, с. 190]. Остерегался же Сережа, обходил стороной, будто не видел, ходящего по двору ужасного кровожадного зверя – петуха. Его внешний вид и поведение вызывали страх: гортанный угрожающий говор, мозолистые ноги, красный гребень набок, бдительный недобрый взгляд, «круглый, подозрительный, нацеливающийся глаз, могучий дышащий зоб, грудь колесом и железный клюв» [6, с. 190]. Ведь зверь мог обойтись с Сережей, как с молодым соседским петушком, случайно залетевшим в гости, которого он заклевал. Непосредственное восприятие, предчувствие опасности искажало размеры зверя: вытягивая шею, он становился одного роста с Сережей. И все-таки, считал Сережа, с ним постоянно не по его вине что-то случалось: «Петухи клюются, кошки царапаются, крапива жжется, мальчишки дерутся, земля срывает кожу с колен, когда падаешь, – и Сережа весь покрыт царапинами, ссадинами и синяками» [6, с. 190]. Хотел, как Васька, влезть на забор, но сорвался и расшибся. Вслед за ребятами прыгнул через выкопанную в саду у Лиды яму и свалился в нее, после чего распухла и болела нога, поэтому его уложили в постель. Стал играть во дворе мячиком, а он залетел на крышу, и лежал там за трубой, пока его не достал Васька. Чуть не утонул в речке с другими детьми, когда опрокинулся челн Лукьяныча. Познание окружающего требовало много сил, поэтому от всего увиденного и испытанного за день Сережа очень уставал, кончался его завод, как у часов. «К вечеру он совсем изнемогает, еле ворочается у него язык, глаза закатываются, как у птицы. Ему моют руки и ноги, сменяют рубашку... Он спит, и можете, пожалуйста, быть в барабан, палить из пушки – Сережа не проснется, он копит силы, чтобы жить дальше» [6, с. 191].

Познавательные интересы, любознательность, исследовательское отношение к окружающему миру у Сережи, с одной стороны, возникали произвольно, ситуативно благодаря близости к этому миру, непосредственному соприкосновению с ним, притягательностью, необычностью предметов, а с другой, требовали от мальчика самостоятельности, независимости от взрослых. Поэтому не было никакой радости, если мама и Коростелев вели его в гости, взяв за руки с двух сторон. Веселей идти одному, удовлетворяя потребность в познании, ведь «можно остановиться и посмотреть в щелку чужого забора, как там страшная собака сидит на цепи и ходят гуси. Можно убежать вперед и прибежать обратно к маме. Погудеть и пошипеть, изображая паровоз. Сорвать с куста зеленый стручок – пищик – и попищать. Поднять с земли золотую копейку, которую кто-то потерял» [6, с. 201-202]. Пленительные своей новизной и одинаковостью папиросные коробки на столе в маминой комнате настолько поразили Сережу в первое утро после переезда к ним Коростелева, что он не ответил на приветствие мамы и забыл цель своего прихода – забрать лопату, пробуя открыть одну заклеенную коробку.

Он попросил Коростелева отдать коробки, зная правило – их отдают детям после того, как их содержимое выкурено или съедено. А тот, выложив из одной папиросы, подарил ее Сереже. После напоминания мамы о срочно нужной лопате, Сережа взял ее и вышел во двор. Но копать расхотелось, так как новая коробка притягивала задумкой – переложить в нее свои фантики – бумажки от конфет. Но было неудобно перед мамой, поэтому Сережа решил покопать хоть немножко. Так ситуативность поведения, вызванная притягательностью предметов, перестраивалась под действием замечаний, обязательств перед взрослыми.

Огромное множество прекрасных вещей, которыми был набит окружающий Сережу мир, требовал от него не только непосредственного, но и произвольного внимания к себе: саночки, разноцветные камушки, конфетные бумажки, большая медная ступка тети Паши с тяжелым медным пестиком, челн Лукьяныча, пустые спичечные и папиросные коробки, телефон Коростелева, книжки со сказками и пр. Сережа был бы и рад заметить все многочисленные вещи, например, сколько лент у Фимы в косах, но внимания не хватало. Его исследовательская активность направлялась на понимание назначения предметов, освоение действий с ними, окрашивалась яркими положительными эмоциями, способствуя появлению уверенности в себе. Каждый день щедро дарил Сереже неожиданные открытия, изумления и радости. На дощечке на колесах можно было кататься, отталкиваясь одной ногой, гвозди забивать в стены и стулья, зеркалом пускать солнечные зайчики или мылом пузыри. Когда тетя Паша разрешала что-нибудь потолочь страшно нравившейся Сереже ступкой, он садился на пол, «ставил ступку между ногами и толкал, пока не выбивался из сил. Из крепкого, как камушек, сахара получался порошок! А какая музыка шла из ступки, какие разносились по дому стуки, громы, звоны!..» [7, с. 62]. В проведенном Коростелеву телефоне, снимая трубку, Сережа, всегда слышал голос невидимой женщины: «Станция». Он мчался к аппарату, когда тот заливался дробным серебряным звоном, хватал трубку и кричал: «Я слушаю!», а голос в ней обычно велел позвать Коростелева. Огромный интерес у Сережи вызывали драгоценные вещи Васьки, присланные дядей-капитаном, отсутствующие в обыденной жизни: «бутылка со спиртом, а в ней крокодильчик, маленький, как рыбка, но настоящий; будет в спирту стоять хоть сто лет и не испортится» [6, с. 237]; большая серая снаружи, а внутри розовая раковина. Сережа с позволения Васьки, прижав раковину к уху, затаив дыхание, «слушает тихий, незамирающий гул, идущий из глубины раковины» [6, с. 238], стараясь понять: «Что за гул? Откуда он там берется? Почему от него беспокойно – и хочется слушать и слушать?..» [6, с. 238].

А еще Сережа был привязан к своим книжкам. Он знал все сказки и каждое их слово наизусть, но все равно просил взрослых рассказать какую-нибудь. И если тетя Паша упустила что-либо, он требовательно прерывал ее, спрашивая, например, была ли царевна красивая, помня, как и всё в сказке, что она была таковой. Помогая своими вопросами, он научил рассказывать довольно бойко почти не умеющего сначала Коростелева. Сережа был уверен, что в сказке нельзя ничего пропустить, ведь она должна идти по своему законному руслу, и от этого она не становилась хуже. То есть понимание литературного текста выступало как умственное действие прослеживаемых в нем событий, как активное сопереживание и содействие героям. Пока Сережа еще стоял на позиции «внутри произведения», опирающуюся на непосредственное эмоциональное отношение к описываемым событиям и героям. Наивность его восприятия требовала хорошего конца, удачи любимым персонажам [4, 14]. Поэтому он не мог «перенести как это дровосек и его жена обманом завели своих детей в лес, чтобы они там заблудились и не вернулись никогда. Хоть мальчик с пальчик спас их всех, но слушать про такие дела невозможно. Сережа не позволяет читать ему эту книжку» [6, с. 188-189]. Но уже начала складываться

позиция слушателя – понимание сказки как вымысла, отношение к ней как к выдуманной истории. Каждый дурак, считал он, знает, что «звери на самом деле не разговаривают, и ковер-самолет летать не может, потому, что он без мотора» [6, с. 188], да и взрослые, читая про ведьму, говорили, что ведьм не бывает. Значение многих слов из сказок, как женихи, свататься, он не мог толково объяснить либо понимал, опираясь на наглядную образность мышления. Так, если конь встал как вкопанный, а потом поскакал, значит, его откопали. Отметим, что и за многими другими словами (улица Дальняя, папа, смерть, защита и присмотр, рождение, дядя-капитан, тюрьма, добро как имущество, Холмогоры и пр.) у Сережи стояло представление о конкретном единичном предмете или ситуации, с которым оно прочно связано. Стремясь понять новое слово, он искал ему аналогию в собственном опыте, имеющихся знаниях. Подобный характер обобщения определял конкретную образность его мышления – выделение в объектах не всегда существенных признаков, но наиболее ярких и важных из его практического опыта [14]. Поэтому даже цветные картинки в книжках Сережа перекрашивал по своему вкусу карандашами.

Исследовательскую активность мальчик направлял и на наблюдения за огромным окружающим миром растений и животных. Она постепенно превращалась в произвольную познавательную деятельность, когда Сережа ставил ее цели, выбирал способы их достижения, контролировал их получение, оценивал результаты [10, 12, 14]. Он следил с интересом, как на солнце изменялись растущие вокруг террасы тети Пашиного дома граммофончики-повитель: съезживались, жалко скручивались их края, цветок становился похожим на грязную тряпочку. И тогда следовало проявить изобретательность: «сорвать его и надувать, как пузырь, потом хлопнуть, горьковатый вкус оставался во рту – а на следующее утро кругом террасы все опять было покрыто новыми, широко раскрытыми, бархатно-синелиловыми граммофончиками» [7, с. 62]. Но больше всего Сережу интересовала жизнь, занятия, повадки, внешний вид животных – размеры, форма, окраска и др. Он рассыпал возле муравьиных дыр собранные после обеда крошки и, сидя на корточках, смотрел, чем занимаются муравьи. Подкрадывался тихо к старой липе из соседнего сада, чтобы увидеть «удоденка, выглядывающего из дупла: маленькая головка с черным глазом, с продолговатым клювом, с коричневым хохолком. Ожидая родителей, удоденок дышал воздухом. При малейшем шорохе он мгновенно, как в люк, проваливался в дупло» [7, с. 63]. У речки, особенно в сырых местах под ивами, мальчик подкарауливал лягушку, которая сидела, «пришлепнув к земле большое серое брюхо, и смотрела на Сережу выпученными глазами. Сережа пытался ее схватить, лягушка прыгала в воду, задние ноги у нее были такие длинные, что Сережа хохотал!» [7, с. 63]. Изучая повадки домашних собак Букета и кота Зайки, он понял, что кот – лентяй, потому, что зимой спал по целым дням, а мыши из дома до конца не вывелись. Летом Зайка оживал и мог неожиданно ударить лапой по морде Букету, а тот, легкомысленный, улыбающийся, и не подозревал, что может оттрепать кота. «Сережа обожал кота, целовал его и тискал, отдавал ему свою еду. Все восхищало его в Зайке: как Зайка чихает, как умывается, какой у Зайки хвост. Ложась спать, он укладывал Зайку с собой и старался удержать его ласками и уговорами; но Зайка неподкупен, не хочет спать с Сережей, сидит надутый, бьет хвостом и в конце концов удирает» [7, с. 64]. С пушистым и теплым котом можно было играть, пока он не превратился в старого и угрюмого. А на совхозной ферме Сереже было совестно смотреть на очень некрасивое, бесстыдное поведение коров, за которыми все время убирали навоз. Поэтому по мокрым мосткам вдоль скотного двора он шел, не поднимая глаз, держась за руку Коростелева, не обращавшего внимания на это неприличие.

Летом самой большой радостью Сережи стала найденная Васькой и отданная ему галка. С утра до вечера Сережа заботился о ней: копал землю, добывая червей, поил водой из чайной ложки, охранял от кота, ходил на прогулки, посадив ее на плечо. Веселая и смешная она летала по комнатам, воровала ложки, отзывалась на кличку «Галя-Галя». Когда она однажды пропала из дома, Сережа, переживая отчаяние, искал ее по городу, звал, плакал. Галка все-таки вернулась, но к ней стала прилетать другая галка. Вместе они подогу гуляли по двору и о чем-то совещались, потом улетели. Сережа очень грустил, но понимал, что ничего не поделаешь, так как у них, занятых постройкой гнезда, нет времени для похода в гости. А к подаренным мамой во время болезни аквариумным красным рыбам Сережа остался равнодушным: ведь они не те живые существа, которых он любил, они лишь «плавают в банке и ничего не могут делать, только шевелить хвостами» [6, с. 252]. Но как исследователь налил немножко в аквариум рыбьего жира, выясняя, будут ли они его пить. Увидев, что они разбегаются, равнодушно заключил, что не пьют.

Эгоцентрическая позиция приводила Сережу к антропоморфизму. Он приписывал животным специфические человеческие эмоции и чувства, наделял их реалистическими действиями и поступками, характерными для людей, объяснял их поведение на человеческий лад, одушевляя, олицетворяя, одухотворяя их [8]. Отражая собственный опыт социальных взаимоотношений, он обращался с животными так, как к нему относились близкие, следуя нравственным нормам, – заботился, кормил, укладывал спать, стыдился некрасивого поведения некоторых особей и пр. или боялся, остерегался угрожающих повадок и враждебного вида.

Позиция исследователя, первооткрывателя мира животных, окрашенная познавательными (удивление, изумление, любопытство и пр.), эстетическими (восхищение, радость и пр.), нравственными (сочувствие, жалость, любовь и пр.) чувствами, превращалась в интеллектуально-нравственную, приводя к соответствующему поведению: увидеть и изучить новое существо, подружиться с ним, позаботиться о нем, защитить его, решая важную нравственную задачу – понимание значимости чужой жизни и ответственности за нее. Так, Сережа пережил много горя от Васьки, скверного человека, когда тот привязал на нитку двадцать им пойманных жуков, которые не могли оторваться, а летали и гудели, будто стонали. Уговаривая Ваську отпустить их, Сережа плакал. Но тот требовал по копейке за жука, и Сережа просил их у мамы.

Неизвестностью, необъяснимостью Сережу манил и мир природных явлений, необычная, далекая и чужая жизнь на фотографиях, подаренных Васькиной матери братом-капитаном. Рассматривая карточки, надо было обо всем спрашивать, узнавать названия: «Там были виды приморских городов, банановые рощи, древние постройки, моряки на палубе, люди на слоне, катер, разрезающий волны, черная танцовщица с браслетами на ногах, черные губастые ребята с курчавыми волосами» [6, с. 246]. Но самым незнакомым и чрезвычайно заманчивым «на всех снимках было море, простор без края, сливающийся с небом; живая, в жилках, вода, блистающий туман пены» [6, с. 246]. На свой вопрос дяде-капитану: «Что такое море? Какое оно? Страшно ли, когда шторм?» любознательные Сережа и Шурик услышали тривиальное: «Море есть море. Прекрасней моря нет ничего. Это надо увидеть своими глазами. ... На море все прекрасно» [6, с. 243].

Звездами Сережу заинтересовала мама, сказав, что они лишь кажутся песчинками, а на самом деле большущие, и у каждой есть название. Она показала ему Млечный Путь, Сириус, Большую Медведицу, горы на Луне, красный Марс, где, возможно, живут люди. Наблюдение за звездами превращалось в произвольное, когда Сережа ставил цель, определял условия и благоприятное

время для него. Он понял, что смотреть на звезды лучше всего зимой, так как летом на дворе всегда светло – когда он ложился спать или просыпался. Зимой, когда темнело рано, Дальнюю улицу обступала тыща или миллион крупных и мелких звезд, мельчайший звездный песок – светящиеся молочные пятна. Возвращаясь вечером домой, Сережа смотрел с удовольствием, закинув голову на небо, узнавая знакомые звезды и даже одушевляя их. «Большие звезды переливаются голубыми, белыми, золотыми огнями; у звезды Сириус лучи как реснички; а посреди неба звезды, мелкие и крупные, и звездный песок – все сбито вместе в морозно-сверкающий плотный туман, в причудливо-неровную полосу, переброшенную через улицу, как мост, – этот мост называется Млечный Путь. ...Большая Медведица вылезла чуть не на середину неба, нахально раскинув хвост. Марс подмигивает красным глазом» [6, с. 230-231].

Зная, что Марс здоровенный, Сережа предположил, что там живут люди, и вообразил по аналогии со своей жизнью: «...очень может быть, там сейчас стоит такой же мальчик, с такими же санками, очень может быть – его тоже зовут Сережей...» [6, с. 231]. Пораженный этой мыслью, он захотел ею поделиться с тем, кто поймет и не будет шутить, ведь шутки в начале сложного и трудного пути познания мира, складывающихся рассуждений и самооценки их результатов, оскорбительны. Сережа, рассказал Коростелев, который в отличие от часто не понимающих взрослых, никогда не насмеялся. Отчим, согласившись с возможностью такого, поддержал активность творческого воображения Сережи и заглянул ему в глаза внимательно и немножко боязливо.

Представления Сережи о временах года складывались с опорой на наглядно воспринимаемые им природные изменения и его занятия в тот или иной период. Зимой он наблюдал, как чуть ли не каждый день шел снег, который заваливал дорожки, ложился на столбики заборов белыми колпаками, на ветви деревьев толстыми гусеницами. В короткие зимние дни темнело рано, поэтому хорошо виднелись звезды на небе. Сережа катался на санках, строил и осаждал с ребятами ледяные крепости. По вечерам, озябнув и вернувшись домой, ему было приятно греться у натопленных, пышущих жаром печек, пить горячее молоко, слушать разговоры взрослых. И все-таки по отношению к зиме в сравнении с воспоминаниями о лете у Сережи возникали амбивалентные чувства, с одной стороны, как к хорошему времени, но, с другой, как чересчур долгому и противному, когда надоедают студёные ветры, метель, тяжелая одежда. «Хочется выбежать из дому в трусах и сандалиях, купаться в речке, валяться по траве, удить рыбу, – не беда, что ни черта не поймаешь, зато весело в компании собраты, копать червей, сидеть с удочкой, кричать: «Шурик, у тебя, по-моему, клюет!» [6, с. 232]. С наступлением весны он наблюдал, как снег превратился в густое черное месиво, как на речке тронулся лед, и она разлилась, как на берегу затонули по поясы ивы «Все было голубое, вода и небо, серые и белые облака плыли по небу и по воде» [6, с. 232].

Летом жизнь Сережи становилась совершенно лучезарной от солнечной погоды, когда на дворе было всегда светло – и утром и вечером, а потому и от разнообразия занятий. Даже в дождь за тучами оставалось солнце. Оно одно царило на синей громаде чистого неба. Звезд не было видно, но иногда можно заметить дневной месяц – «прозрачное бесцветное пятнышко, похожее на осколок стекла» [6, с. 230]. Летом Сережа ловил рыбу, купался в речке, обваливался на берегу в горячем песке, строил из него крепости и города, наблюдал, как вслед за ним ныряли с берега длинноногие лягушки, как покачивалась на кончике ветки задремавшая, вся в солнце золотая стрекоза, каждый день ходил в рощу. Ведь зимой она была так далеко, а летом оказалась расположенной очень близко от дома, поэтому мама разрешила ходить туда с мальчиками без взрослых, что было очень

хорошо. Только в разгар лета, Сережа, занятый своей жизнью, замечал, что у детей каникулы, рожь «уже налилась, зреет, пышно шумит над головой, когда идешь по дороге. Птицы вывели птенцов, сенокосилки пошли по лугам – скашивать цветы, от которых было пестро на том берегу» [6, с. 232].

Подчеркнем, что непосредственная близость Сережи к миру предметов, живых существ, явлений природы, пробуждая его любознательность, познавательную активность, способствовала становлению позиции исследователя, первооткрывателя этого мира, т.е. появлению, с одной стороны, элементов произвольности познавательной деятельности, с другой, понимания значимости чужой жизни и ответственности за нее, а в целом мироощущения радости, открытости миру, ожидания от него только лучшего.

Общение с товарищами. Круг общения Сережи составляла небольшая разновозрастная группа ребят, живущих на улице Дальней. Их взаимоотношения опирались на нравственные нормы, важнейшей из которых была справедливость, связанная с такими правилами, как нельзя быть жадиной, трусом, подлым, плаксой, ябедой, разглашать тайны и т.п., а надо помогать, сочувствовать, делиться с товарищами и т.п. Все нормы основывались на определенных ситуациях из собственного опыта, вытекали из конкретной образности детского мышления. Обычно старшие, подчеркивая свою взрослость, – Женька 14 лет, а особенно Васька 12 лет, обладающий большим авторитетом, вводили справедливость, следили за ее выполнением младшими. Например, определяли, как делиться чем-либо, выбирать привлекательную роль в игре, устанавливая очередность езды на Сережином велосипеде и пр. Большие ребята позволяли себе то, что запрещали младшим, а те не оспаривали это право, например, Васька, не предупредив маленьких, уехал проводить Женьку на станцию. Следование нормам и правилам зачастую создавало для Сережи ситуации нравственного выбора, которые требовали сдерживать свои желания, действия, чувства, т.е. проявить произвольность поведения [10, 12, 14]. Так, он искал требуемые Васькой деньги за галку, за спасение привязанных к нитке жуков, ждал, когда у того будет хорошее настроение, он перестанет задаваться и покажет свои драгоценные вещи. А Шурику отдал за сделанную ему рогатку свои собранные за долгую жизнь пустые катушки. Женька меньше задавался перед младшими, охотно играя с ними в войну, милиционеров, лото. Но, как старший, хотел быть генералом или начальником милиции, и малыши уступали. Когда он уехал, то генералами по очереди становились Сережа и Шурик. Они скоро привыкли, что Женьки нет, ведь он не был заводилой. «Вспоминая о нем, они радовались, что ему хорошо, у него есть тумбочка и к нему ходят артисты» [6, с. 221], как он и предполагал.

Сережа с удовольствием делился с товарищами своими важными открытиями, приобретениями, новостями: у него, как у каждого человека, есть сердце размером со сжатый кулачок, оно обязательно стучит даже во время сна, без него человек не может жить; у него будет папа и он купит ему велосипед; он идет на похороны прабабушки и пр. Он приводил домой ребят, чтобы они полюбовались новогодней елочкой, наряженной мамой. Из сострадания к Шурику и для его утешения, когда тот ходил зареванный и угрюмый после отцовского наказания ремнем, Сережа выносил на двор все свои игрушки. Сережа из сочувствия Женьке, жалости к нему, который научился у Васьки курить, а из-за отсутствия денег на покупку папирос, подбирал окурки с земли, стал тоже их подбирать и отдавать ему. Не пожалел Сережа для Женьки красивую игрушку – семафор с зеленой и красной лампочками, сделанный из Сережиного железного конструктора Женькой и Шуриком. Ситуативный порыв Сережи был вызван наблюдением за укладыванием Женькой чемодана. А предложение взять семафор Сережа пояснил тем, что он просто так стоит и ему не нужен. После отказа Женьки от подарка из-за незнания,

что с ним делать, да и из-за тяжелого чемодана, Сережа теперь уже осознанно предложил Женьке более легкую коробку пластилина, вспомнив его интерес к лепке. То есть в противовес ситуативности, непосредственности поведения у Сережи складывалась произвольность, вытекающая из важности следования нравственной норме и понимания условий ее выполнения.

Поведение Васьки выступало эталоном для ребят. Они прислушивались к его аргументированным мнениям и оценкам. Например, он преувеличил красоту новогодней елки в своей мужской школе по сравнению с поставленной Сереже мамой или обсуждал с Женькой его будущее, склоняя принять верное решение. На новогоднем празднике в маминой школе Сережа научился у более старшего, чем Васька, мальчика, необыкновенно подмигивать, забыв про самодеятельность – песни, танцы, чтение стихов. А на другой день все мальчишки с улицы Дальней переняли мигание у Сережи, состязаясь в его быстроте. Но Васька показал, как надо это делать, и «всем стало ясно: мальчику из совхозной школы копейка цена по сравнению с Васькой» [7, с. 135].

Сравнение с ребятами способствовало становлению самосознания Сережи. Осознание принадлежности к мужскому полу – гендерной идентичности опиралось, прежде всего, на видимые различия во внешности и занятиях мальчиков от девочек: мальчики не ходят в платьях, у них короткие волосы, есть рогатки, из которых они стреляют камнями. А чтобы не походить на девочку из-за быстро растущих волос, он, закутанный в простыню, сидел смирно и терпел до конца стрижку машинкой.

Желание Сережи чем-то отличаться от товарищей, обладать какими-то особыми качествами, иметь что-то необыкновенное, что они должны видеть, говорило о появлении самолюбия, гордости. Так, ему стало очень приятно, что на саночках его везет не мама, а военный, и захотелось, чтобы это увидел Васька. Но узнав Коростелева, Сережа «немножко огорчился, потому что тот уже не военный, а простой человек, носящий военную шинель без погон» [7, с. 133]. Сережа, сидя на плече Коростелева, смотрел с гордостью на встречных мальчишек, идущих на собственных ногах. На этой высоте ему было не страшно, более того он ощущал новые большие преимущества, как положено сыну.

Подчеркивание старшими мальчишками своего возраста, более взрослых занятий вызывали у Сережи желание повзрослеть. Он прислушался к пренебрежительному мнению Васьки о наряженной мамой новогодней елочке: «Шарики какие-то навесил... Чепуха все это... у Вас она всего ничего, с веник ростом. Поставили около кровати и радуются» [7, с. 132]. Грустный, пристыженный, разочарованный Сережа думал о будущем взрослении, о том, «когда же наконец он будет таким же большим и независимым, как Васька» [7, с. 132]. Услышав от уходящего Васьки с Женькой на заготпункт сдавать лекарственные растения: «Это не игра. Маленьким там нечего делать!», Сережа отстал, ощутив себя еще не очень большим для взрослого дела. В автобусе он приподнялся немножко на цыпочках над чертой, по которой меряют детей, чтобы почувствовать себя взрослым, которому уже надо купить билет, а также показать свое превосходство незнакомому мальчишке, более маленького роста, чем он, да еще сосущему леденцового петуха на деревянной палочке. Кондукторша велела тете Паше заплатить. Но все-таки окончательная победа досталась мальчишке, ведь он поехал дальше, а Сережа с тетей Пашой вышли.

Желание Сережи повзрослеть наряду с представлением о днях недели, наблюдением последовательности сезонных изменений в природе способствовало осознанию себя во времени – появлению некоторых воспоминаний о событиях в прошлом и ожиданию возможных в будущем. Сережа слушал, как Васька с Женькой обсуждали будущее Женьки – отъезд в город для поступления в

ремесленное училище. Провожая Женьку, Сережа, ни разу не ездивший на поезде, подумал, что тот счастливый, так как поедет. После отъезда Васьки со своим дядей для перевоспитания и устройства в Нахимовское училище, в Васькином пустом и молчаливом саду, переживая грусть расставания, Сережа думал о привалившем другу счастье – уходе «в поющий розовый мир, куда и Сережа уйдет когда-нибудь [6, с. 246]. Ведь о незнакомом этом мире глубинно и заманчиво пела морская розовая раковина. Сережа вообразил наглядную картину своего будущего, с восхищением вспоминая фотокарточки Васькиного дяди, а главное – его настоящего во всем снежно-белом и с золотом на кителе, в белой с золотом фуражке, толстого и прекрасного, большого, как белая башня с золотом, видя лишь внешнюю красоту, а не внутреннюю сущность. «Он был хорош – больно было смотреть, как сверкают на солнце его нашивки» [6, с. 241]. Оптимизм этой картины исходил из веры в счастливую судьбу сказочных героев, в обещание Коростелева, что Сережа не умрет. Мальчик «представлял себе город Гонолулу на острове Оаху, где растут пальмы и до слепоты бело светит солнце. И под пальмою стоят и снимаются белоснежные капитаны в золотых нашивках. «И я так снимусь», – думал Сережа. ...он веровал без колебаний, что ему предстоит все на свете, что только бывает вообще, – в том числе предстояло капитанство и Гонолулу. Он веровал в это так же, как в то, что никогда не умрет. Все будет перепробовано, все изведано в жизни, не имеющей конца» [6, с. 243-244]. Когда близкие собрались в Холмогоры, Сережа ощутил важность отъезда, как главное движение жизни в будущее, вспомнив уехавших ребят: «Великолепно. Лучше ничего и придумать нельзя. Женька уехал, Васька уехал, и мы уедем. Это очень повышает нашу ценность, что мы тоже куда-то едем, а не сидим на одном месте» [6, с. 263].

Хотя мальчишки с улицы Дальней общались с соседкой Лидой, Васька был против дружбы с девочками. Сережа ему по секрету объяснил, когда они ждали на берегу Лукьяныча, обещавшего прокатить на челне, что с Фимой он познакомился на елке в совхозной школе, а Васька громко сказал, что ему плевать на девчонок. Увидев подошедшую Надю, Васька заявил: «Сплошные девчонка. Знал бы, не поехал» [7, с. 166]. Его замечание о Фиме поставило Сережу перед проблемой нравственного выбора: как поздороваться с ней, если при Ваське он не осмеливался. Осознавая, что поступает подло, терзаясь муками совести из-за нарушения моральной нормы, Сережа решил схитрить. В мокром песке он стал рыть траншею к челну, на борту которого сидела Фима. Продвинувшись совсем близко к ней, он поздоровался. Когда же девочка, ответив на приветствие, заметила, что Сережа совсем не вырос, а остался таким же маленьким, как и был, он понял ее чувства и поведение: оскорбленная его подлостью она мстит. Соглашаясь с нравственной оценкой своего поступка, «он смиренно пополз обратно вдоль траншеи, размышляя о том, как невыгодно быть подлым – все презирают» [7, с. 166].

На Сережином новом велосипеде ребята начали учиться кататься, следуя норме справедливости, объявленной Женькой: он будет кататься первым, как старший, а за ним по возрасту – Лида, Шурик. Потом они дали немного поучиться Сереже, но очень скоро Женька заявил, что теперь его очередь. Сереже страшно не хотелось слезать с велосипеда, и он вцепился в него руками и ногами, заявляя о праве на собственность – это его велосипед. Тогда, напоминая о норме «плохо быть жадным, надо делиться с товарищами», Шурик выругал его жадиной, а Лида противным голосом обозвала жадиной-говядиной. Сережа, произвольно подчиняясь норме, молча слез, отошел к плетню, ведь быть жадиной-говядиной очень стыдно. Стоя к ребятам спиной, он заплакал, не сдерживая своих чувств по многим причинам: «потому, что ему было обидно, потому что он не умел постоять за себя, потому что ничего на свете ему сейчас не нужно, кроме велосипеда, а они,

грубые и сильные, этого не понимают!» [6, с. 208]. Ребята же, подчиняясь притягательной силе новой игрушки и действиям с ней, забыли не только о продекларированной норме справедливости, но самое главное – о Сереже, что было для него обиднее всего. «Они не обращали на него внимания, он слышал их громкие споры, звонки и железный лязг падающего велосипеда. Его никто не позвал и не сказал: «Теперь ты». Они катались уже по третьему разу! А он стоял и плакал» [6, с. 208]. Появившийся Васька, как подавляющая, сильная личность, понял сложившуюся ситуацию и установил иерархию новых правил: если Сереже купили велосипед, то он и должен кататься, а к тому же надо обождать пока, как маленький, он научится. Васька обозвал Лиду, пискнувшую «две жадины» паразиткой, сказал про нее нехорошие слова. Сережа долго учился, а все ребята, кроме Лиды, помогали ему. Когда Васька сказал: «Теперь я», «Сережа с удовольствием уступил ему место, он все готов был сделать для Васьки. Потом Сережа катался уже сам, без помощи, и почти не падал, только велосипед вилял во все стороны. ...Потом Сереже стало жалко ребят, он сказал: «И они пускай. Будем все по разу» [6, с. 209]. Так благодаря Ваське восторжествовала справедливость, а ребята помирились. Когда же велосипед сломался, Сережа испытал огромное горе. Он, убиваясь целый день, горько плакал, безотрадно качал головой, потому что все пропало, а из обломков нельзя сделать прекрасный велосипед. Его даже не радовал патефон, который специально для него заводил Коростелев. Он его слушал и не слышал. Когда совхозные слесаря, починившие велосипед, предупредили, чтобы большие ребята на нем не катались, а то он опять развалится, Васька и Женька послушались. Кроме Сережи и Шурика каталась потихоньку от взрослых худая и не очень тяжелая Лида. «Сережа здорово научился ездить, научился даже съезжать с горки, бросив руль и сложив руки на груди, как – видел он – делал один ученый велосипедист» [6, с. 210]. Но освоение навыка езды изменило его отношение к велосипеду: «уже не было у Сережи того счастья обладания, того восторга, как в первые блаженные часы... А там и надоел ему велосипед. Стоял на кухне со своим красным фонариком и серебряным звонком, красивый и исправный, а Сережа пешком отправлялся по делам, равнодушный к его красоте: надоело, и все, что ж тут сделаешь» [6, с. 210].

Общение и взаимодействие детей строилось на основе взаимных оценок их поведения и деятельности в конкретных ситуациях, прежде всего по нравственным критериям. Сережа видел в Ваське и скверного человека, мучившего жуков, и отважного, спасшего его, тонущего в реке, и сильного, справедливого при освоении езды на велосипеде. Лиду считали знаменитой ябедой с улицы Дальней. Поэтому при ней Сережа сдержался, хотя у него дрогнула губа, не заплакал, когда Васька и Женька не взяли его за заготпункт, ведь она могла задразнить: «Плакса! Плакса!» Сережа не пожаловался, не наябедничал на Лиду, недавно дернувшую его за волосы. Чтобы ябеда Лида не растрепала взрослым из чистого вредительства, ведь ей нет выгоды ни на копейку, тайну о подготовке к татуировке, ребята с улицы Калинина, а также Сережа и Шурик, тщательно скрывали этот замысел от улицы Дальней.

Следование нравственной норме – никому ни за что не выдавать, хранить тайну, не жаловаться обусловило особые отношения между этими улицами для выполнения задуманного, в чем Сережа и Шурик поклялись. Ведь если узнают взрослые, то «поднимут шум, вмешается школа, пойдут проработки на педсовете и родительских собраниях, и вместо делового мероприятия получится тоскливая канитель» [6, с. 247]. Так ребята решили приобщиться к внешней романтике дальних странствий, хотя Васькин дядя и назвал свои татуировки глупыми рисунками, памятью о юности и некультурности. Взрослые мальчишки с улицы Калинина выведали у Шурика и Сережи про все его татуировки, сделали рисунки,

но отказались принимать малышей в компанию. Но все-таки Шурик склонил на свою сторону Арсентия, который пользовался огромным авторитетом, как отличник, книжник, чистюля и, главное, имел совесть. Арсентий, отмечая заслуги малышей, предложил сделать им по первой букве имени. Перед Сережей вновь встала проблема выбора: если отказаться, будешь трусом. Ему стало не по себе, когда Шурик сказал, что будут колоть по рисунку булавкой, но трусом быть стыдно, ведь то, что может Шурик, может и Сережа. И, равняясь на мнение друга, он с притворным хладнокровием согласился. Наглядный пример Арсентия и Шурика утвердил Сережу в окончательном выборе. «Как скажешь – «передумал». Как хватит духу сказать, когда вот он стоит, в крови и в чернилах, Арсентий, и смотрит на тебя с улыбкой?.. «Одна буква – недолго!» – подумал Сережа» [6, с. 249]. А потом он смотрел, как крепился Шурик, как текла по его руке стружкой кровь. «Буква «шы» длинная, – думал бледный Сережа, большими глазами неподвижно глядя на кровь, – целых три палочки и четвертая внизу, несчастный Шурик, «сы» короче, молодец Шурик, не кричит, я тоже не буду кричать, ой-ой-ой, убежать нельзя, будут насмеяться, Шурик скажет, что я трус...». ...Сережа шагнул и протянул руку...» [6, с. 250].

Болезнь началась сразу же, как Сережа вышел из бани силача Валерия, ученика пятого класса, на улицу. Домашним, уложившим его в постель, он не выдал тайну о произошедшем. Они все поняли, когда Сережа неосознанно рассказывал, что видит во сне. Эмоциональное воображение, выполняя защитную функцию в конфликтной ситуации, достраивало сценами ужаса пережитую реальность, окрашивая ее отрицательными чувствами [2, 3]. «Ему снились сны, отвратительные тошнотворные: кто-то могучий, в красной майке, с голыми лиловыми руками – от них мерзко пахло чернилами, – деревянный чурбан, мясник на нем рубит мясо, – окровавленные ругающиеся мальчики... Долго не могли понять почему он бредит бубликом, половинкой бублика; когда рука зажила и отмылась, они догадались – на ней навеки запечатлелась сизо-голубая половинка бублика, буква «сы» [6, с. 251]. Во время болезни у Сережи обострилась потребность в общении с товарищами, так как его выпускали из дома только до обеда, когда все ребята были в школе и даже Шурик, поступивший в первый класс. Взрослые старались развлечь Сережу, а мама подарила аквариум с красными рыбами, не доставивший ему радости. Но они не понимали, что он нуждался в ребятах, хорошей игре, хорошем разговоре, а больше всего хотел на улицу к Шурику, ведь с маленькими неинтересно. Теперь он осознал: «Как прекрасно жилось ему до болезни! Что он имел и что потерял!...» [6, с. 252].

Подчеркнем, что общение и взаимодействие Сережи с группой ребят по улице проживания строилось на основе, с одной стороны, соотношения норм морали, где главной была справедливость, а с другой – взаимооценок поведения и деятельности, прежде всего, по нравственным критериям. Такой характер общения и взаимодействия зачастую создавал ситуации нравственного выбора, способствуя становлению произвольности чувств, поведения, деятельности, а также образа себя в единстве знаний о себе и отношения к себе, осознания своей половой принадлежности и себя во времени.

(Продолжение в следующем номере)

Литература

1. *Богуславская З.Б.* Сережа // Богуславская З.Б. Вера Панова. Очерк творчества. М.: Гос. изд-во Художественной литературы. 1963. С. 103-120.
2. *Дьяченко О.М.* Развитие воображения дошкольника. М.: Международный Образовательный и Психологический Колледж. 1996. 197 с.

3. *Запорожец А.В.* К вопросу о генезисе, функции и структуре эмоциональных процессов у ребенка // Запорожец А.В. Избранные психологические труды: В 2-х т. Т. 1 Психическое развитие ребенка. М.: Педагогика. 1986. С. 260-275.
4. *Запорожец А.В.* Психология восприятия ребенком-дошкольником литературного произведения // Запорожец А.В. Избранные психологические труды: В 2-х т. Т. 1 Психическое развитие ребенка. М.: Педагогика. 1986. С. 66-77.
5. *Нинов А.А.* Дети вступают в жизнь // Нинов А.А. Вера Панова. Очерк творчества. Л.: Лениздат. 1964. С. 164-180.
6. *Панова В.* Сережа. Несколько историй из жизни очень маленького мальчика // Собрание сочинений: В 5 т. Л.: «Художественная литература». Ленинградское отделение. Т. 3 Повести и рассказы. 1988. С. 188-275.
7. *Панова В.* Ясный берег. Повесть // Собрание сочинений: В 5 т. Л.: «Художественная литература». Ленинградское отделение. Т. 3 Повести и рассказы. 1988. С. 6-187.
8. *Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. М.Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство. 1932. 412 с.
9. *Плоткин Л.А.* Сережа, Коростелев и другие // Плоткин Л.А. Творчество Веры Пановой. Л.-М.: Советский писатель. 1962. С.109-133.
10. *Смирнова Е.О.* Психология ребенка. М.: КРОНУС. 2016. 280 с.
11. *Тевекелян Д.В.* Поведут наш караван. Кое-что о корневой системе // Тевекелян Д.В. Вера Панова. М.: Советская Россия, 1980. С. 114-124.
12. *Урунтаева Г.А.* Детская психология. 4-е изд., испр. и доп. М.: ИНФРА-М. 2020. 384 с.
13. *Чуковский К.* От двух до пяти // Собр. соч. в 6 т. М.: Изд-во «Художественная литература». 1965. Т. 1. С. 335-724.
14. *Эльконин Д.Б.* Детская психология. 3-е изд., стереотип. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 384 с.